

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ЮРОДИВОЙ СТАРИЦЫ

ЕВДОКІИ РОДІОНОВОЙ

жившей при началѣ основанія Іоанно-Предтеченскаго
Леушинскаго первокласнаго женскаго монастыря,
Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи.

Составила современница ея и очевидица
Игуменія Таисія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Синодальная Типографія.
1911.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 14 декабря 1910 г.

Цензоръ Архимандритъ *Александръ*.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

юродивой старицы, блаженной памяти, Евдокіи Родіоновой, жившей въ Леушинскомъ Іоанно-Предтеченскомъ первоклассномъ монастырѣ въ началѣ его основанія.

Много было во всѣ времена христіанства, отъ самаго начала его, и понынѣ есть не мало тайныхъ рабовъ Божіихъ среди современнаго намъ, скуднаго благочестіемъ міра, которыхъ онъ не знаетъ и не видитъ, или—вѣрнѣе сказать—не хочетъ видѣть и не можетъ понять ихъ *сокровенной жизни во Христѣ* (Колосс. 3, 3), ихъ великихъ подвиговъ добровольнаго самоотверженія и изумительнаго терпѣнія. Міръ нерѣдко называетъ таковыхъ глупцами, юродивыми, безумными и т. под. именами, ибо они и дѣйствительно являются таковыми въ гла-

захъ тѣхъ, кои сами, не будучи въ состояніи вмѣстить столь высокаго образа жизни, какъ бы въ оправданіе свое называютъ его «сумасбродствомъ». Однако есть единичныя личности, ведущія тоже благочестивый образъ жизни, которыя инстинктивно чувствуютъ подобныхъ себѣ и усматриваютъ таковыхъ среди хаоса мірской сутолоки и познаютъ высокую цѣль ихъ— съ виду несообразныхъ и оригинальныхъ— дѣйствій, направленныхъ ко благу ближнихъ.

Къ числу такихъ безумныхъ, юродивыхъ, осмѣянныхъ и отверженныхъ міромъ, или, какъ говоритъ Апостолъ, *буиихъ міра*, принадлежитъ и та личность, о которой предлежитъ намъ слово. Не въ похвалу ей говорится оно, ибо она въ ней теперь нуждается меньше, чѣмъ когда-либо, переселившись въ лучшій міръ и принявъ *внѣнецъ правды* (2 Тим. 4, 8) отъ нелицепріятнаго Судіи, а въ наше назиданіе и въ прославленіе имени Божія и *силы Его, во женской немощи совершившейся* (2 Кор. 12, 9), ибо *дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ* (Псал. 67, 36), чрезъ коихъ Онъ являетъ *вся хотѣнія Своя* (Псал. 15, 3), открываетъ без-

вѣстная и тайная, что Онъ *сокрылъ отъ премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего* (Лук. 10, 21).

Все, что здѣсь помѣщено объ этой замѣчательной старицѣ Евдокіи, не составляетъ конечно и сотой доли ея подвиговъ и чудныхъ дѣяній, служившихъ особымъ проявленіемъ въ ней благодати Божіей. Достоувѣрность же сего свидѣтельству своею совѣстію. Даты о ея рожденіи и бракосочетаніи сообщили мнѣ мѣстные священники изъ метрическихъ записей; подробности же ея біографіи слышала отъ здѣшнихъ старожиловъ, изъ коихъ и по сіе время нѣкоторые еще живы, а частію и сама, какъ современница ея, была очевидною свидѣтельницею.

Леушинская Игуменія Таисія.

Въ 1886-мъ году, 24-го декабря, въ самое навечеріе Рождества Христова, въ 8 часовъ вечера, въ Іоанно-Предтеченскомъ Леушинскомъ монастырѣ Череповецкаго уѣз. Новгород. губ. скончалась великая старица, дивная подвижница, по имени Евдокія Родіонова, или—какъ ее всѣ назы-

вали просто—«Родіоновна» или «Родимая», съ 16-ти-лѣтняго возраста принявшая на себя крестъ юродства и вмѣстѣ съ нимъ ставшая, по выраженію Апостола, *отребіемъ міра, попраниемъ его*, но подъ этою маскою сокрывавшая величайшіе христіанскіе подвиги, чрезъ которые она сподобилась благодати Божіей и дара прозорливости.

Родилась она 1803-го года, августа 4-го дня, въ Новгородской губ. Череповецкаго уѣз. Ершовской волости, деревнѣ «Большой Новинкѣ» вотчины помѣщика, тайнаго совѣтника, камергера Николая Никитича Демидова. Родители ея Родіонъ Трифоновъ и Екатерина Иванова имѣли, кромѣ ея, еще двухъ сыновей: Петра и Іоанна. Въ 1819-мъ году, когда Евдокіи было лишь 16 лѣтъ отъ роду, воля помѣщика, вопреки ея личному желанію, выдала ее въ замужество за крестьянскаго сына той же деревни, Героея Савинова, съ которымъ она состояла въ супружествѣ лишь не болѣе 5-ти лѣтъ и овдовѣла, оставшись бездѣтною. Но и въ такой сравнительно короткій срокъ она успѣла

много натерпѣться, настрадаться, такъ что изъ молодой, красивой, умной и удалой женщины, какою помнятъ ее (во время ея замужества) еще и понынѣ нѣкоторыя старожилы, она стала неузнаваема подъ маскою своего юродства и подъ общею, данною ей ребятишками кличкою: «дура, Шаня». Изъ обстоятельствъ жизни ея въ первомъ бракѣ извѣстно очень мало; изъ памяти уже немногихъ оставшихся старожиловъ время изгладило почти все, а сама Евдокія не любила говорить о своемъ прошломъ. Достоверно извѣстно лишь одно обстоятельство, о которомъ знаютъ и утверждаютъ всѣ, о которомъ и сама Евдокія упоминала не однажды.

Послѣ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ однажды ночью она очень крѣпко уснула и не слыхала, какъ мужъ ея будилъ ее молотить. Свекоръ ея, разъяренный какъ бы неповиновеніемъ ея мужу и нежеланіемъ работать, схватилъ ее сонную за волосы и стащилъ съ полатей, гдѣ она спала, и, ударивъ ее о полъ, продолжалъ бить и толкать ногами. Отъ сильнаго испуга она не могла опомниться, а, можетъ быть, и

отъ тяжелыхъ побоевъ не могла встать на ноги. Но обезумѣвшій отъ злости свекоръ не унимался; ударами и пинками онъ протолкалъ ее почти въ бевсознательномъ состояніи до самаго овина. Тутъ избитая и истерзанная Евдокія снова упала, не будучи въ состояніи удержаться на ногахъ, и, вмѣсто того, чтобы молотить хлѣбъ, сама сдѣлалась молотимымъ снопомъ для озвѣрѣвшихъ родственниковъ, которые наконецъ выбросили ее въ безчувственномъ состояніи на улицу за овинъ. Когда Евдокія очнулась, въ овинѣ уже никого не было; очевидно, работа была окончена, и всѣ ушли домой. Идти и ей домой—казалось страшнѣе самой смерти. Куда было дѣваться?—Избитая, израненная, окровавленная, она кое-какъ поплелась къ опушкѣ лѣса, чтобы хотя тамъ дать отлежаться измученному тѣлу, не смотря на осеннюю сырость и непогоду. Съ этой поры и началась ея многотрудная скитальческая жизнь. Ни темныя осеннія ночи среди лѣса, съ его дикими звѣрями, ни голодъ, ко-ему необходимо она должна была подвергаться, ничто не страшило ее такъ, какъ

мысль попасть опять въ руки звѣря-свекра и вообще своихъ домашнихъ. Она тутъ же рѣшилась воспринять крестъ скитальчества и юродства, считая это какъ бы указаніемъ свыше чрезъ ея страдальческую семейную жизнь. Но не подолгу приходилось ей укрываться и отдыхать душой въ своихъ побѣгахъ: ее скоро находили, съ побоями и бранью приводили домой, гдѣ повторялись самыя жестокія истязанія, послѣ которыхъ ее, полуживую, привязывали или приковывали къ столбу желѣзною цѣпью, или же запирали въ холодный чуланъ, гдѣ и питали ее лишь однимъ черствымъ хлѣбомъ и то только для того, чтобы не совсемъ заморить голодомъ. Такъ томилась молодая страдальца, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, отъ 17-го до 21-го года своей жизни. Наконецъ въ 1824-мъ году умеръ извергъ—свекоръ ея, а вскорѣ за нимъ и мужъ. Оставшіяся въ семьѣ женщины оказались болѣе сострадательными и предоставили Евдокіи полную свободу, тѣмъ болѣе, что, съ удаленіемъ ея, онѣ и сами избавлялись отъ лишняго нахлѣбника.

Около трехъ лѣтъ Евдокія была сво-

бодною; но, уже однажды принявъ на себя крестъ юродства, она не измѣняла ему. О томъ, гдѣ она въ это время находилась, — пребывала ли въ домѣ своихъ родителей, еще жившихъ въ той же деревнѣ Большой-Новинкѣ, или скиталась по деревнямъ и лѣсамъ, какъ юродивая, — достоверно неизвѣстно.

Извѣстно лишь изъ метрическихъ записей Ершовской Воскресенской церкви, что по волѣ того же помѣщика, тайнаго совѣтника, камергера Николая Никитича Демидова, «въ 1827-мъ году, января 21-го дня, Евдокія Родіонова вступила во второй бракъ съ крестьянскимъ сыномъ той же вотчины, деревни Быкова, Емельяномъ Ивановымъ». Отъ этого брака у нея были трое дѣтей: сынъ Іоаннъ и двѣ дочери — Екатерина и Агриппина. О жизни Евдокіи во второмъ бракѣ неизвѣстно ничего, кромѣ того только, что она попрежнему убѣгала въ лѣсъ, притворялась глупою, скрывалась не только отъ своихъ односельчанъ, но и отъ всѣхъ людей, что въпрочемъ не надолго удавалось ей. Ее всегда находили, возвращали домой, гдѣ

всякій разъ подвергали новымъ и жесто-
чайшимъ наказаніямъ; но ничто не могло
отвратить ее отъ разъ намѣченной цѣли. Ни
голодь и холодъ, претерпѣваемые ею въ
лѣсу, ни поруганія и истязанія, преслѣ-
довавшія ее дома, ни брань и насмѣшки,
которыми не надѣлялъ ее только тотъ, кто
не хотѣлъ, не сильны были поколебать въ
ней рѣшимости нести свой тяжелый крестъ.
На ней сбывались слова Апостола: *Кто
насъ разлучитъ отъ любви Божіей? скорбь ли,
или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или на-
гота, или бѣда, или мечь? якоже есть писано:
яко Тебе ради умерщвляемъ есмы весь день;
вмѣнихомся якоже овцы заколенія* (Римл. 8,
35, 36). Невозможно предполагать, чтобы
эта овца стада Христова не добровольно от-
давала себя на истязанія и на всякаго рода
злостраданія. Ясно, что она убѣгала въ
лѣсъ не отъ побоевъ, которые именно и
сыпались на нее вслѣдствіе ея побѣговъ;
въ ея власти было избавиться отъ нихъ,
если бы она, оставаясь дома, принимала
участіе въ обычной мірской жизни; но,
разъ уклонившись отъ нея, она уже не
хотѣла вернуться. Съ другой же стороны,

развѣ не извѣдала она опытомъ тѣхъ безчисленныхъ страховъ и лишеній, коими сопровождались ея укрывательства въ лѣсахъ? Она терпѣла и голодъ, который ничѣмъ не могъ тамъ быть утоляемъ, и холодъ въ дождливую, бурную, ненастную погоду, не говоря уже озимнихъ морозахъ, ибо не могла же она уносить съ собою теплога платья, а убѣгала какъ и въ чемъ приходилось, лишь бы не быть пойманной и задержанной; а дикіе звѣри — волки и медвѣди, столь изобильные въ здѣшнихъ лѣсахъ и понынѣ, — конечно наводили на нее страхъ, — чего естественно нельзя отрицать. *Но во всѣхъ сихъ, какъ продолжаетъ Апостоль, препобѣждаемъ за возлюбльшаго насъ Христа (ст. 37-й), ибо ни самая смерть не сильна разлучитъ насъ отъ любви Божіа, яже о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ (ст. 38 и 39).*

Около 20-ти лѣтъ продолжался такой образъ жизни Евдокіи Родіоновны, пока наконецъ домашніе ея и мужъ не убѣдились, что всѣ старанія ихъ не приведутъ къ желаемой цѣли — водворить ее хозяйкою въ семьѣ. Они стали наконецъ привыкать къ этой мысли; да и дѣти уже

подросли настолько, что сами могли хозяйничать въ домѣ. Вслѣдствіе всего этого сродники ея не стали такъ тщательно разыскивать ее въ ея побѣгахъ и силою привлекать домой. Замѣтивъ это, Евдокія стала чаще и смѣлѣе появляться въ селеніяхъ, гдѣ находились добрые люди, подававшіе ей кусокъ хлѣба, а иногда и ночлегъ, которымъ, впрочемъ, она пользовалась только въ зимнее холодное время, а лѣтомъ рѣдко разставалась со своимъ любимымъ лѣсомъ, куда она, гдѣ бы ни находилась днемъ, всегда возвращалась къ ночи. Многимъ поселянамъ, коимъ случилось бывать по какому-либо дѣлу въ лѣсу ночью, приводилось видѣть ее тамъ бродящею съ палкою въ рукѣ. У кого, бывало, останется на ночь въ лѣсу лошадь или корова и онъ, отыскивая ее, случайно встрѣтитъ Евдокію и спроситъ — не видала ли она искомую, то она всегда точно укажетъ направленіе, гдѣ дѣйствительно находилась потерявшаяся. Впрочемъ она это дѣлала всегда какъ бы юродствуя, сурово, какъ будто негодуя, что ее беспокоятъ; «а ну тебя», скажетъ, и махнетъ

рукой именно по тому направленію, куда слѣдуетъ идти искать; или скажетъ: «почемъ я знаю? я не пастухъ, лѣсъ великъ, — ищите» и укажетъ рукой по надлежащему направленію.

При появленіи ея въ деревняхъ, ее окружали ребятишки, всегда въ изобиліи толкущіеся на улицѣ; они со смѣхомъ и съ крикомъ: «дура, дура» скакали около нея, дразнили; которые посмѣлѣе, дергали ее за лохмотья одежды, иные даже бросали въ нее камушки; а она, дѣлая видъ, что обороняется отъ нихъ палкою, неизмѣнною своею спутницею, махала ею въ воздухъ, приговаривая: «вотъ я васъ ужо, вотъ я вамъ задамъ» и т. под.

Ребятишкамъ было это забавно, и потѣха эта шла нерѣдко по всей деревнѣ изъ одного конца до другого, пока кто-либо добрый человѣкъ не разгонитъ ребятишекъ, строго прикрикнувъ на нихъ, или кто не пригласитъ «дурочку», или — какъ ее обычно называли — «Родимую» (отъ ея прозвища «Родіоновна»), поѣсть хлѣба - соли. Не часто, да и не ко всякому заходила она въ избу; иногда, побла-

годаривъ, присядетъ лишь на завалинку къ избѣ, или на скамейку, и попросить приглашающаго вынести ей туда «кусочекъ чего-нибудь». Получивъ этотъ «кусочекъ», она не сразу съѣдала его, а по бóльшей части выжидала какого-нибудь бѣдняка, сироту и, подмѣтивъ таковаго въ числѣ окружавшихъ ее дѣтей, старалась отдать ему, но, чтобы не было пóнято ея доброе намѣреніе, она бросала кусокъ ему въ руки, или какъ попало, приговаривая: «на, ѣшь, коли хочешь, чего глядишь-то». Такъ подъ маскою юродства она скрывала великія добродѣтели поста и милосердія, не говоря уже о терпѣніи. Такъ ходила мнимая «дура» изъ деревни въ деревню, изъ села въ село. Случалось ей заходить и въ свою родную деревню Новинку, гдѣ былъ ея родительскій домъ, въ коемъ жили два ея брата Петръ и Іоаннъ, оба женатые и семейные, но еще не раздѣлившіеся. Одинъ изъ племянниковъ Евдокіи, сынъ старшаго брата, Михаилъ выказывалъ бóльшую, противъ другихъ, привязанность къ теткѣ, которая и сама отдавала ему преимущество противъ другихъ.

На дворѣ ихъ былъ большой камень, лежавшій у колодезя; на этотъ камень всегда присаживалась «Родимая» при посѣщеніи родного дома; она всегда называла и камень и колодезь своими, говоря: «мой камень, мой колодезь». Однажды, когда она сидѣла на семь камнѣ, къ ней подошелъ Михаилъ и сказалъ: «Вотъ, тетюшка, скоро будемъ дѣлиться, — кому-то достанется этотъ камень, твой любимый, и колодезь?» — «Тебѣ, дураку Мишкѣ, тебѣ; береги ихъ, смотри, не запускай колодезя, и камня-то никуда не выворачивай; много слезъ на немъ пролито твоей теткой-дурой», сказала она и съ этими словами быстро встала и пошла, вытирая рукою лицо, по которому потекли обильныя слезы, какъ замѣтилъ Михаилъ. Хотя прошло не мало времени до раздѣла семьи Родионовыхъ, по причинѣ женитьбы дѣтей обоихъ братьевъ, но предсказаніе Евдокии сбылось въ точности, и ветхій родительскій домъ съ его колодеземъ и камнемъ достались Михаилу.

Къ этому же періоду времени жизни «Родимой» относится и еще одно обстоятель-

ство изъ жизни ея родственниковъ. Уже весьма многіе стали замѣчать въ ней даръ прозорливости и убѣждаться въ томъ, что она вовсе не «дура», каковою ее считали, а лишь притворяется юродивой, добровольно принявъ на себя этотъ подвигъ. Многіе, не только деревенскіе жители, но и городскіе, и помѣщики, и даже священники стали искать совѣта и благословенія ея на какія-либо исключительныя событія своей жизни. Два брата ея, жившіе еще вмѣстѣ въ своей деревнѣ Большой Новинкѣ, чрезъ которую и посейчасъ лежитъ большой трактъ между городами Череповцемъ и Вологдою, держали земскую станцію. За смертью содержателя почтовой станціи въ томъ же селеніи, они вознамѣрились снять и такую, и послали о томъ прошеніе въ Новгородъ. Долго не было никакого отвѣта, а вакансія содержателя почтовой станціи оставалась все еще свободною, что, какъ обычно въ деревняхъ, порождало не мало толковъ. Находясь по этому поводу въ затрудненіи по безвѣстности рѣшенія своей судьбы, отъ чего зависѣло дальнѣйшее устройство семейной жизни,

братья послали своихъ женъ къ сестрѣ своей «Родимой», чтобы посоветоваться съ нею, — какъ быть: ждать ли отвѣта, да еще и послѣдуетъ ли таковой, или уже, отложивъ попеченіе, устраивать свои семейно-хозяйственныя дѣла. Эти вопросы тѣсно связывались между собою по той причинѣ, что, если бы послѣдовало разрѣшеніе на содержаніе почтовой станціи, то семейный раздѣлъ Родіоновыхъ не долженъ бы быть допускаемъ, въ виду сложности и отвѣтственности станціоннаго дѣла и необходимости при немъ хозяйскаго надзора. Долго пришлось двумъ снохамъ искать «Родимую», постоянно переходившую изъ одной деревни въ другую и не имѣвшую опредѣленнаго мѣста. Дѣло это было зимой, въ Рождественскомъ посту. «Родимая», сидѣвшая въ одной избѣ, вдругъ соскочила съ мѣста; быстро побѣжала на улицу, захвативъ съ собою откуда-то колокольчикъ, и понеслась, позванивая по улицѣ деревни, разгоняя всѣхъ встрѣчныхъ криками: «сторонитесь, почта ѣдетъ, почта ѣдетъ, аль не видите». Такимъ образомъ она пробѣжала и между

двумя своими снохами, входившими въ эту деревню, ударивъ одну изъ нихъ колокольчикомъ, повторяя тѣ же слова. Съ ними не остановилась Родимая, но, пробѣжавъ между ними, направилась далѣе по дорогѣ и скрылась, такъ что имъ не пришлось ничего говорить съ нею; но имъ больше ничего и не надобно было, такъ какъ онѣ поняли изъ ея поступка и словъ все, что имъ было надо и что не замедлило оправдаться. Въ концѣ декабря мѣсяца было получено разрѣшеніе Родіоновымъ содержать почтовую станцію съ начала слѣдующаго года.

Молва о жизни и прозорливости Родимой быстро распространялась по всей окрестности и за предѣлами ея. Всѣ искали се видѣть и считали за счастье принять ее въ домъ и успокоить. Только сама-то она не искала себѣ покоя, предпочитая ходить по улицамъ, не разбывая ни ненастья, ни грязи, которыхъ она даже, казалось, искала, заграждая тѣмъ себѣ лишнія приглашенія домохозяевъ. Надобно сознаться, что, не смотря на все усердіе покоить въ своемъ домѣ эту рабу Божию,

дѣло это было нелегкое: всегда грязная, въ лохмотьяхъ, наполненныхъ массою на-сѣкомыхъ, всегда съ палками и съ узлами всякаго мусора, всегда ворчащая про себя какія-то несвязныя слова, отрывки кото-рыхъ иногда выкрикивала, съ почти по-стоянно суровымъ видомъ, она была даже страшна для видѣвшихъ ее въ первый разъ. Входя въ избу, она всегда располагалась въ переднемъ углу; тутъ она раскладывала всѣ свои пожитки, состоявшіе изъ обрыв-ковъ тряпокъ, бумажекъ, песку, камней и буквально всякаго мусора, и Боже сохрани, если кто предложитъ «выбросить эту дрянь за дверь». Тотчасъ она притворится гнѣв-ной, пуститъ въ ходъ всѣ свои палки и камушки, или же сряду соберетъ всѣ свои эти сокровища обратно въ мѣшокъ или въ подоль, и съ страшной воркотней уйдетъ изъ дому. Впрочемъ бывали случаи, ког-да она, вѣроятно уже сверхъ силы утом-ленная своими подвигами, оставалась въ домѣ и по нѣскольку дней. Очевидно, что такая оригинальная гостя не всегда была желанною, что доказываетъ слѣдующій примѣръ.

Однажды пришла она въ село «Спаса на Мяксѣ» (Мякса — маленькая рѣчка). Это село стоитъ на самой границѣ Ярославской губ. съ Новгородской, на большой дорогѣ, ведущей въ Пошехонье. Въ этомъ селѣ нерѣдко бывала Родимая, имѣя тамъ какъ бы друзей своихъ— семью Никиты Сергѣева Бѣляева, выдававшася во всемъ селѣ и благочестіемъ и внѣшнимъ достаткомъ; онъ же былъ и церковнымъ старостою въ теченіи многихъ лѣтъ. Зашедъ къ нимъ, она почувствовала себя изнемогшею и замедлила у нихъ нѣсколько дней, не измѣняя, конечно, своему обычному образу жизни, юродствуя и грязня вездѣ безъ разбора. Наступали дни праздничные, и хозяйка, на отвѣтственности которой лежитъ весь домашній обиходъ, наскучивъ безпрестанною уборкою за Родимой, подумывала о томъ, какъ бы отправить ее куда-нибудь. Съ этою цѣлью она приговорила своего односельчанина притвориться ѣдущимъ по своему дѣлу въ Новинку и придти къ нимъ въ домъ— предложить Родимой, не захочетъ ли она, чтобы онъ по пути довезъ ее домой, т. е.

къ ея роднымъ. Эту свою затѣю хозяйка Бѣляева держала въ строгой тайнѣ, наказавъ и наняемому отнюдь не выдавать ея, потому что мужъ ея Никита Сергѣевъ крѣпко почиталъ Родимую и никто изъ семьи никакимъ намекомъ не смѣлъ оскорбить ея, не только такимъ насильственнымъ поступкомъ, какой она придумала. Пока шло у ней это совѣщаніе, остальные члены семьи и самъ Никита сидѣли всѣ вкупѣ въ избѣ, каждый за своимъ дѣломъ; съ ними была и Родимая, лежавшая на печи. Вдругъ она заговорила громко и связно: «вотъ такъ гостенька!.. до чего догостила,—спроваживать собираются; вотъ такъ догостилась, дождалась». Присутствовавшіе стали переглядываться между собою и предположили, что она бредитъ во снѣ. Каково же было ихъ удивленіе, когда Родимая, уже слѣзавшая съ печи, повторяла все тѣ же слова! Усѣвшись на лавку, она громко расхохоталась, продолжая: «анъ не поѣду, не поѣду, сама уйду»... Вдругъ растворилась дверь, и вошелъ (нанятый) крестьянинъ; не долго думая, Родимая подошла къ нему и, прежде чѣмъ успѣлъ онъ

что-либо сказать, обратилась къ нему со словами: «прытокъ ты, парень,—да не въ попадѣ; сани готовы, лошадь въпречь не долго, а кучеръ-то не готовъ еще, не исправенъ; поди-ка, парень, прежде исправься, а тамъ и повезешь меня». Онъ хотѣлъ что-то произнести въ свое оправданіе, но она продолжала: «ладно, не мели болѣе», а затѣмъ, подошедъ къ нему, шепнула что-то на ухо, послѣ чего онъ совсѣмъ растерялся, упалъ ей въ ноги и молча удалился. Почти вслѣдъ за нимъ и Родимая, забравъ свои палки и черепки, вышла, низко поклонившись хозяину, все еще сидѣвшему въ какомъ-то оцѣпенѣніи отъ недоумѣнія о всемъ происшедшемъ, сказавъ ему: «спасибо тебѣ, Никитушка, за хлѣбъ—за соль, прости Христа роди, что гораздо ужъ надоскучила». Между тѣмъ вернулась и хозяйка, но уже послѣ ухода Родимой, и застала всѣхъ въ какой-то грусти, словно растерянныхъ. Такъ какъ они и сами ничего не понимали, то и могли передать ей лишь слова Родимой, затѣмъ разговоръ ея съ парнемъ и быстрый ея уходъ отъ нихъ. Какъ ни страшилась выговора отъ

своего мужа ховяйка, а не могла утаить отъ него всего случившагося, въ чемъ она горько раскаивалась и со слезами просила прощенія. Они разослали по всѣмъ направленіямъ искать Родимую, чтобы упросить ее вернуться къ нимъ, но нигдѣ не могли найти ее. Не мало смущались о семъ всѣ Бѣляевы и не могли успокоиться, особенно хозяинъ съ хозяйкою, которая считала себя погрѣшившею противъ Бога, оскорбивъ Его избранницу, и боялись они, чтобы не наказалъ ихъ за это Господь. Всѣмъ своимъ односельчанамъ рассказывали они «свой грѣхъ», какъ они выражались. Не молчалъ самъ о себѣ и парень Сергѣй, нанятый обманомъ увести Родимую: онъ, не скрывая, признавался, что она обличила его въ его тайномъ грѣхѣ, отъ котораго онъ положилъ твердое намѣреніе исправиться.

Впрочемъ, незлобивая Евдокія не замедлила снова посѣтить своихъ Спасскихъ друзей.

Разъ вечеромъ, когда всѣ они сидѣли вмѣстѣ за ужиномъ, услышали стукъ въ двери, которыя были еще не заперты, по-

чему этотъ стукъ и удивилъ ихъ. «Развѣ кто чужестранный къ намъ идетъ на ночь и не смѣетъ войти? выйди, Сеня», сказалъ отецъ сыну. Но Родимая, услышавши эти слова, отворила дверь и, привѣтствуя всѣхъ, сказала: «это я—чужестранная; Никитушка, батюшка, прими Христа ради!» Напрасно было бы и упоминать о томъ, съ какою радостію приняли они рабу Божію, съ какимъ чувствомъ просила у нея прощенія добрая хозяйюшка! Но Родимая притворилась, что ничего подобнаго она не помнитъ и не знаетъ, что ничего такого никогда и не бывало; такъ все и кончилось. Только потомъ, ложась спать на печку, она подозвала къ себѣ хозяйку и тихонько сказала ей: «какъ тепло у тебя на печкѣ, хозяйюшка; а какъ бѣднымъ-то звѣрямъ въ лѣсу холодно,—вѣтеръ-то воетъ, у-у-у... какъ холодно», и она вся съежилась.—«Развѣ ты въ лѣсу была, Родимушка?» спросила та.—«Въ лѣсу, голубушка, въ лѣсу», отвѣчала она, «какъ же,—грѣхи-то свои замаливала; вѣдь въ лѣсахъ угоднички живутъ»; а затѣмъ стала говорить что попало, прикрывая тѣмъ та-

инственное значеніе своихъ словъ. Вотъ какова была Евдокія Родіоновна, и какъ высока была ея внутренняя жизнь!

На утро, вышедъ на улицу села, она увидѣла проходившаго юношу, лѣтъ 18-ти, по имени Ѳедора. Поровнявшись съ нимъ, она передразнила его походку и сказала: «ишь идетъ,—голова къ верху, кудрями помахиваетъ, ряса шуршитъ; я-ль не я-ль, думаетъ; а думай, не думай, а Ѳедосьемъ будешь». Лѣтъ черезъ пять Ѳедоръ дѣйствительно поступилъ въ число братіи Пошехонскаго Адріанова монастыря, гдѣ при постриженіи дано ему было имя Ѳеодосія.

Въ этомъ же селѣ, встрѣтивъ однажды мальчика лѣтъ 12-ти, Родимая подозвала его и дала ему 12 мѣдныхъ пуговицъ, сказавъ: «вотъ тебѣ; когда будешь солдатомъ—пригодятся». Мальчикъ отвѣчалъ, что его не возьмутъ въ солдаты, потому что онъ единственный сынъ у своей больной и бѣдной матери. «Увидишь», возразила Родіоновна, «увидишь; спрячь, говорю—пригодятся!» И дѣйствительно, чрезъ 12-ть лѣтъ онъ добровольно пошелъ въ солдатскую службу,

такъ какъ мать его умерла, оставивъ его совершенно сиротою.

Верстахъ въ 13-ти отъ гор. Череповца есть небольшая деревня Починокъ, расположенная на томъ же Вологодскомъ трактѣ близъ большого и богатаго села Воронина, лишь въ одной верстѣ отъ него. На самомъ краю этой деревни со стороны села стоялъ маленькій домикъ, окруженный огородомъ и простою деревенскою изгородью. Въ немъ жили нѣсколько немолодыхъ деревенскихъ дѣвушекъ, не принимавшихъ никакого участія въ обыденной деревенской жизни; онѣ почти безъисходно пребывали въ своемъ домикѣ, вели свое скромное хозяйство съ помощью разрабатываемаго ими огорода, а болѣе—доброхотныхъ подаяній, получаемыхъ ими за чтеніе по усопшимъ и на домахъ и въ своей кельѣ, или за шитье и др. услуги. Въ свой Воронинскій приходъ онѣ неопустительно ходили къ Богослуженіямъ и вообще проводили благочестивый образъ жизни. Хозяйка этого домика, пожилая деревенская дѣвица Агаоья Викторова (нынѣ умершая монахиня Леушинскаго монаст. Агнія), была

между ними старшая и вела весь домашній обиходъ. Евдокія Родіонова часто посѣщала этотъ домикъ, нерѣдко оставалась у нихъ и по нѣскольку дней. Онѣ тоже привыкли къ ней и считали ее какъ бы членомъ своей маленькой семьи, хотя Евдокія и не жила у нихъ, а только иногда гостила, отдыхала у нихъ, и затѣмъ снова уходила на свои подвиги юродства, продолжая, на сколько позволяло ей здоровье, свой бродячій, многотрудный образъ жизни. Агаеья Викторова, хотя и очень любила и уважала Родимую, но, состоя лицомъ отвѣтственнымъ за все свое сборное общество, какъ-то смущалась и страшилась отчасти этой близости къ нимъ Родимой, зная ея странное и безбоязненно-смѣлое поведеніе по отношенію ко всѣмъ и каждому. Притомъ же, не только для людей непросвѣщенныхъ, но и для духовно-образованныхъ, Родимая оставалась личностью загадочною. Агаеья искала, съ кѣмъ бы посоветоваться относительно ея, чтобы успокоиться. Съ этою цѣлію она пошла въ гор. Мологу (Яросл. губ.), гдѣ въ то время жила великая подвижница, старица Досиеея,

бывшая въ тайномъ схимническомъ по-стригѣ и проводшая много лѣтъ въ Муромскихъ лѣсахъ пустынножительницею, но за послѣднее время, по благословенію ли старческому, или по распоряженію начальства, вернувшись въ свой родной городъ Мологу, гдѣ и поселилась подъ своимъ отъ св. крещенія даннымъ ей именемъ Евгеніи, по паспорту приписавшись вновь къ городу. Жила она тамъ совершенно уединенно со своей келейной товаркою, выходила лишь въ храмъ Божій и вообще продолжала въ тайнѣ свою келейно-подвижническую жизнь. Всѣ ли въ городѣ знали о ней, или нѣтъ, того намъ не извѣстно; но люди благочестивые, ревновавшіе о духовной жизни, не только ближніе, но и дальніе, знали и почитали ее. Въ числѣ такихъ была и Агаѣя Викторова, отправившаяся, какъ сказано, посовѣтоваться съ нею относительно Родимой. Старица Досиѣя (Евгенія) вполне успокоила Агаѣю, назвавъ Родимую «великою подвижницею», и даже просила не оставлять ея, въ виду ея преклонныхъ лѣтъ, исполненныхъ многотрудныхъ добровольныхъ страданій и

подвиговъ. «Впрочемъ», прибавила она, «ужь недолго и Родимой и вамъ самимъ придется пожить въ своей хаткѣ; вамъ готовится уже новое мѣсто и новый образъ жизни». Эти пророческія слова Евгеніи сбылись въ свое время. Успокоенная же Агаея Викторова вернулась домой и еще съ большимъ радушіемъ стала принимать и покоить Родимую.

О какой-то, будто бы имѣющей скоро открыться въ недалекомъ отъ Починка разстояніи, обители давно уже поговаривала и Родимая; но слова ея оставались безъ вниманія, какъ бы и незамѣчаемыя, ибо тогда ничего подобнаго и не предвидѣлось; «мало ли что городить юродивая», порѣшали слышавшія, на томъ и толки кончались.

Въ 1868-мъ году, въ 40-ка верстахъ отъ гор. Череповца, Ольховской волости усадьба помѣщика-инженера Н. Каргопольцева продавалась съ торговъ. Задешево купилъ ее с.-петербургскій купецъ И. Максимовъ, по рекомендаціи и совѣту одной знакомой монахини Сергіи, посѣщавшей эту усадьбу въ бытность свою на родинѣ, не подалеку отъ

нея, для поклоненія мѣстно-чтимой тамъ иконѣ Богоматери, находившейся въ церкви, выстроенной помѣщикомъ Каргопольцевымъ для своихъ крестьянъ деревни «Леушина», весьма нуждавшихся въ церкви, коей у нихъ не было ближе, какъ на разстояніи 12-ти верстъ, и то отдѣляемой непроходимыми въ осеннее и весеннее время болотами. Трудно предположить, на основаніи послѣдствій, выяснившихъ дѣло, чтобы купецъ М. руководствовался чисто благочестивыми цѣлями въ покупкѣ усадьбы ради учрежденія въ ней монашеской обители; но такъ или иначе, — Богъ вѣсть, ибо *никтоже вѣсть отъ чловѣкъ, яже суть въ чловѣцѣ, точію духъ чловѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. 2, 11), — а только Максимовы содѣлались главными виновниками возникновенія Леушинской общины, нынѣ уже вполне окрѣпшаго и процвѣтшаго монастыря. Купивъ усадьбу, они не могли оставаться въ ней сами и искали, кому бы вручить наблюденіе за всѣмъ, находившимся въ ней, равно и веденіе хозяйства. Имъ указали на упомянутыхъ Воронинскихъ дѣвицъ, коихъ собралось тамъ уже около 8-ми чело-

вѣкъ. Имъ и предложили Максимовы переселиться въ усадьбу при селѣ Леушинѣ, для положенія начала предположенной женской обители. Съ ними переселилась туда и Родимая, уже значительно слабѣвшая силами, но все еще не измѣнявшая своему бродячему образу жизни и юродствованію.

Впрочемъ не такъ скоро сдались на лестную приманку умныя и строгія къ себѣ дѣвицы; только въ 1872-мъ году онѣ оставили свое родное малое гнѣздышко и переселились въ Леушино, чтобы тамъ положить начало новому обширному и святому дѣлу.

Евдокія Родіонова, или «Родимая», не переставала, какъ сказано, и съ переходомъ въ новую общину бродить изъ деревни въ деревню, изъ села въ село; но все же время отъ времени возвращалась въ общину и иногда подолгу оставалась въ ней, цѣлыми днями и ночами бродя по улицѣ, или въ лѣсу, или въ поляхъ; такъ какъ никакой ограды вокругъ общины тогда еще не было, то ей былъ полный просторъ во всякое время. Какъ бы юродствуя и дурачась, она нерѣдко поддерживала сестеръ, обли-

чая ихъ тайные помыслы и никому не вѣдомые проступки, но дѣлала это такъ осторожно, что понимала ея обличенія только та изъ сестеръ, къ которой они относились.

Такъ, однажды пришла она рано утромъ въ поварню, гдѣ молодыя послушницы чистили картофель на трапезу. «Миръ вамъ, и я къ вамъ», привѣтствовала она ихъ обычной своей поговоркой. Усѣвшись между ними, она, какъ и всегда, колотила о полъ своей палкой, бормотала что-то себѣ подъ-носъ, время отъ времени хватая изъ чугуна, еще горячаго, нечищенную картофелину и съѣдая ее. Вдругъ она подняла голову, грозно взглянула на одну изъ сестеръ и сказала: «ой, дѣва, дѣва, не ладно ты задумала, не ладно!» Такъ какъ всѣ смотрѣли себѣ въ руки, въ которыхъ держали картофель, то не могли замѣтить, къ кому эти слова относились; обличенная же поняла ихъ значеніе, но, конечно, не подала вида. Всѣ переглянулись, какъ бы ища между собою ту, по адресу которой они были сказаны, а Родимая вскорѣ потомъ ушла. Окончивъ это послушаніе, сестры пошли на молитву, начинавшуюся у нихъ

въ 5 час. утра. Родимая, стоявшая въ дверяхъ, увидѣвъ шедшую обличенную ея, на ухо шепнула ей: «слышь, дѣва, — поняла ты?» Та со слезами отвѣчала ей: «поняла, Родимая, помолись за меня!» Такимъ образомъ сестра, и понынѣ живущая въ обители, была удержана въ ней въ то самое время, когда уже рѣшилась уйти, никому не сказавшись, что сама она впоследствии многократно рассказывала.

При самомъ началѣ Леушинской общины, хотѣвшія поступить въ число ея сестеръ принимались не иначе, какъ съ вкладами въ пользу ея или денежныхъ суммъ, или какихъ-либо хозяйственныхъ принадлежностей, такъ какъ, по новости и скудости общежитія, оно во всемъ нуждалось и терпѣло крайнія лишенія. Въ числѣ поступившихъ была одна молодая дѣвица, по имени Евдокія, изъ деревни Иванцева, принесшая съ собою въ видѣ вклада 50 руб. Съ самаго начала поступленія ея, Родимая, вопреки своему обычаю, ни разу не приласкала ее добрымъ словомъ, всегда была къ ней сурова. Вдругъ однажды является Родимая въ трапезу во время

обѣда сестеръ; молча подошла она сзади къ Евдокии, вырвала у ней изъ рукъ ложку, которую бросила къ порогу двери, а Евдокию такъ крѣпко дернула за косу, что она перегнулась всѣмъ корпусомъ назадъ. «Ишь ты», закричала Родіоновна: «принесла пять красноголовыхъ змѣй, да и тѣхъ назадъ тащить; я тебя утащу, я тебя утащу!» Дѣйствительно, Евдокія все время жила въ общинѣ уклончиво отъ послушаній, была лѣнива къ молитвеннымъ стояніямъ и, какъ сама высказала послѣ одной сестрѣ, все время собиралась уйти изъ общины, взявъ и свой внесенный ею вкладъ 50 руб., состоявшій изъ пяти красныхъ десятирублевыхъ кредитокъ, что вскорѣ и исполнилось. Всѣ эти пять красныхъ кредитокъ были ею утаены, или, просто сказать, украдены въ родительскомъ домѣ, какъ сама же она призналась, удивляясь прозорливости Родимой. Оставивъ общину и вернувшись обратно въ міръ, Евдокія однако не могла успокоиться духомъ и, проживъ года два въ деревнѣ, снова стала проситься въ общину, куда и вторично была принята. Сестры между прочимъ сказали Ро-

димой, что «вотъ Евдокія опять вернулась въ общину». — «Что жъ», отвѣчала Родимая, «доживетъ до копны, да и скопнается». Разумѣется, такія слова ея никѣмъ не могли быть поняты; но какъ буквально оправдались они въ свое время и даже весьма скоро! Евдокія вернулась въ общину великимъ постомъ. Когда наступило время сѣнокоса, всѣ сестры общины занимались уборкою сѣна, въ томъ числѣ и Евдокія. День былъ прекрасный, солнечный; во множествѣ подкошенное сѣно все было распущено для сушки. Вдругъ стали появляться на небѣ облачка, угрожая дождемъ; всѣ засуетились, заспѣшили собирать сѣно въ копны; едва успѣли сдѣлать это, какъ хлынулъ дождь, и сестры, кто куда поспѣлъ, попрятались въ кусты, подъ телѣги и проч. Ливень скоро прошелъ, и всѣ стали выходить изъ своихъ засадъ и собираться вмѣстѣ. Собравшись, всѣ замѣтили, что недоставало лишь Евдокіи; предположивъ, что она ушла въ обитель, ея не искали. Каково же было всеобщее удивленіе, когда и въ общинѣ ея не оказалось и скоро стало извѣстно отъ встрѣтившихся съ нею на дорогѣ, что она

прямо съ сѣнокоса, пользуясь всеобщей суматохой, незамѣтно ушла домой въ свою деревню! А осенью уже стало слышно, что она вышла замужъ. Такъ буквально сбылись слова Родимой: «доживетъ до копны—и сама скопнается».

Другая сестра, по имени Екатерина, лѣтъ 15-ти, приведенная вмѣстѣ со своею младшею сестрою Таисією, лѣтъ 7-ми, отцомъ ихъ Максимомъ, поселившимся въ общинѣ въ качествѣ сторожа, тоже тяготилась жизнію въ обители. Нрава она была веселаго, открытая, прямая, добродушная, весьма способная и къ пѣнію и ко всякой работѣ; она была всѣми любима, хотя и не скрывала ни отъ кого, что живетъ не по желанію, а по сложившимся обстоятельствамъ и по желанію отца-вдовца. Одно только удерживало ее—сознаніе своей неприютности; чтобы поступить въ услуженіе, необходимо было прежде подыскать подходящее къ ея юному возрасту мѣсто, что не такъ легко и не всегда удается. Въ общинѣ всѣ ее любили, жалѣли и признавали ея способности къ клиросному дѣлу, такъ какъ она, по тогдашнему времени,

лучше всѣхъ и читала и пѣла на клиросѣ, ибо тогда, по новости общины, по малочисленности сестеръ и по неопытности въ семь дѣлѣ самой начальницы общины—монахини Сергіи, службы церковныя выполнялись безъ всякаго особаго въ нихъ обученія, по мѣрѣ силъ и возможности. Родимая тоже очень любила Екатерину, нерѣдко посѣщала и, вѣроятно, вліяла на нее; она называла ее: «Катъка, разудалая головушка». Надобно замѣтить, что Родимая всегда всѣмъ давала свои прозвища и притомъ такъ мѣтко, что приходилось удивляться ея проницательности. Сколько ни боролась Екатерина съ мыслию оставить общину, однако не чувствовала себя въ силахъ побѣдить искушеніе и, если и скрывала до времени свое безповоротное рѣшеніе уйти, то только во избѣжаніе уговариваній и назиданій, которыя только томили ее и даже надоѣдали. Наступила Пасха, въ тотъ годъ поздняя, а съ нею открылась и навигація, вносящая обычно большое оживленіе въ здѣшніе края, по отдаленности ихъ отъ желѣзнодорожныхъ путей, отрѣзанные зимою отъ сообщенія съ другими мѣстностями.

Въ то время въ Шеушинскомъ монастырѣ въ числѣ сестеръ проживала одна молодая крестьянская вдова, по имени Ирина, изъ деревни «Шалуха» Муравьевскаго прихода, весьма не далекаго отъ монастыря, лишь верстахъ въ 10-ти. Эту вдову Ирину (нынѣ уже монахиня Исидора) очень любила Родимая, называя ее прозвищемъ ея деревни «Шалуха», и часто приходила къ ней. И вотъ, на третій день Св. Пасхи, во вторникъ, часа въ 3 утра, Ирина услышала сильный стукъ въ двери, который и разбудилъ ее. Испуганная, соскочила она съ постели, едва могла найти платье свое, дрожащими руками кое-какъ стала одѣваться, а стукъ въ двери все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, подошедъ къ двери, она спросила: «кто тамъ?» — «Отворяй скорѣй», послышался произнесенный пискливымъ голосомъ, совсѣмъ не похожимъ на голосъ Родимой, отвѣтъ: «мы тутъ оба со старичкомъ замерзли, вишь какое холодное утро, — отворяй». Услышавъ слова: «мы оба со старичкомъ», Ирина еще больше испугалась и переспросила снова. Тогда Родимая отвѣтила уже совсѣмъ

обычнымъ ей тономъ: «отвори же, Шалуха», отвори скорѣй, пусти». Отворивъ двери и впустивъ въ келью Родимую, Ирина стала искать глазами старичка, о которомъ упоминала Родимая; а та, между тѣмъ, пробѣжала прямо въ передній уголъ и стала ставить къ иконамъ образъ препод. Θεодосія Тотемскаго, приговаривая: «Бѣдненькій старичекъ! озябъ, замерзъ; ишь Катъка-то заморозила его, загрязнила; я насилу отняла». Ирина обидѣлась на нее, сказавъ: «тебѣ все шутить да блажить, Родимая; дождалась бы дня-то, чего полыхать людей? вѣдь какъ ты меня напугала! я думала—пожаръ или что случилось; и къ чему же ты наврала, что какой-то старичекъ съ тобой? да и пицишь-то не своимъ голосомъ!»—«Не бранись, Шалуха», отвѣчала та,—«не видишь развѣ старичка-то, Θεодосья? онъ къ тебѣ пришелъ отъ Катъки, не захотѣлъ больше у Катъки жить, больно ужъ ему тамъ холодно». Оказалось, что Катя, Максимова дочь, имѣвшая особую вѣру къ преподобному Θεодосію Тотемскому, въ то утро уѣхала на пароходъ, который и увезъ ее изъ обители навсегда.

Наканунѣ, поздно вечеромъ, приходила къ ней Родимая и, снявъ со стѣнки икону преподобнаго Θεодосія, унесла ее со словами: «пойдемъ отсюда, батюшка, здѣсь ты больше не нуженъ».

Одна сестра, при началѣ общежитія проходившая послушаніе пекарки, по имени Татьяна, въ послѣдствіи Леушинская монахиня Иларія, бывшая потомъ настоятельницею Успенскаго монастыря въ Демянскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, подверглась однажды тоже публичному обличенію Родимой. Дѣло было такъ:

Однажды по ошибкѣ она растворила тѣста больше потребнаго; усмотрѣвъ это, она вздумала испечь пирожокъ для пѣвчихъ сестеръ, что и исполнила. Никто, конечно, этого не зналъ, и сама Татьяна должна была тщательно скрывать свою контрабанду, какъ запретное дѣло, совершенное безъ благословенія начальницы. Она уложила его на полку въ шкафъ, покрывъ большимъ блюдомъ, чтобы и не замѣтно было; управившись съ дѣлами, заперла келью на ключъ, положивъ его на обычное мѣсто, и пошла въ церковь къ обѣднѣ. Вдругъ, о, ужасъ!

растворяется съ шумомъ дверь паперти, входитъ въ церковь Родимая, неся на обѣихъ рукахъ пирогъ, покрытый полотенцемъ, и направляется съ нимъ прямо къ столику для благословенія хлѣбовъ. Татьяна, стоявшая у самой двери и видѣвшая все это, такъ растерялась, что не могла и съ мѣста сдвинуться, тѣмъ болѣе, что начальница монастыря Сергія уже стояла на своемъ обычномъ мѣстѣ на лѣвомъ клиросѣ (такъ какъ пѣли тогда лишь на одномъ). Заслышавъ шорохъ, она обернулась; но Родимая такъ ловко стала на сторонѣ столика, что совсѣмъ заслонила его собою, такъ что мать Сергія не могла ничего разглядѣть. Когда, по окончаніи литургіи, начальница и большая часть богомольцевъ вышли изъ церкви, Родимая взяла свой завернутый въ полотенце пирожокъ, понесла на клиросъ и, показавъ пѣвчимъ, подразнила ихъ сказавъ: «что?—по усамъ текло, а въ ротъ не попало!»—и съ этими словами выбросила его за окно. Затѣмъ, вернувшись къ выходнымъ дверямъ, у которыхъ стояла пекарка Татьяна, не безъ

трепета наблюдавшая за всѣмъ происходившимъ, сказала ей громко: «а ты впередъ не хитри, царское добро береги, всякая крошка въ обители свята, потому что дана въ святую обитель». Татьяна поняла свою вину, просила прощенія у Родимой, у которой никакъ не могла допроситься, равно какъ не могла понять сама, откуда и какимъ путемъ могла Родимая узнать тайну этого злосчастнаго пирога, о которомъ никто кромѣ ея не зналъ. Если предположить, что она, отыскавъ ключъ, отворила келью, затѣмъ шкафъ и тамъ нашла покрытый блюдомъ пирогъ, — то какъ же могла она прознать, что онъ предназначенъ именно для пѣвчихъ, которыхъ она и поддразнила имъ, а не для кого-нибудь другого? Ясно, что это не есть дѣло обыкновеннаго человѣка.

Слухъ о прозорливости Родимой и о чудной жизни ея въ новой Леушинской обители, изъ коей она, впрочемъ, иногда и отлучалась на нѣкоторое время, распространился быстро и широко. Всѣ искали видѣть ее, конечно не изъ простаго любопытства, что доказывается тѣмъ, что многіе не пред-

принимали никакого болѣе серьезнаго дѣла, не посовѣтовавшись съ Родимой. И дѣлали это не одни простолюдины, что могло бы быть отнесено къ ихъ простодушію и невѣжеству, но и люди весьма образованные и даже духовнаго сана. Таковы, напр., многіе помѣщики, священники, купцы, люди разныхъ сословій, пола и возраста. Священникъ села «Любець», о. Василій Преображенскій, всегда и во всемъ спрашивалъ совѣта Родимой, вѣроятно опытомъ извѣдавши пользу сего. У него была дочь-невѣста, которую сваталъ въ замужество одинъ окончившій курсъ семинаристъ, выходявшій на мѣсто священника въ село. О. Василій соизволялъ этому браку, равно какъ и дѣвица; но онъ пріѣхалъ въ Леушино спросить: «что скажетъ Родимая, — благословить ли?» — «Нѣтъ», сказала она, «это, батя, не женихъ намъ, — больно ужъ черенъ? найдемъ побѣлѣе». О. Василій пробовалъ было возражать: «что жъ, что черенъ? за то не пьяница, человѣкъ хорошій». — «Не пьяница, такъ пъявица», отвѣчала она: «впрочемъ, мнѣ-то все равно, какъ хочешь, твоя дочь; — я почему знаю?»

Какъ ни хотѣлось о. Василию выдать дочь за этого «подходящаго» человѣка, тѣмъ болѣе, что тотъ поступалъ и на хорошее мѣсто, но все же побоялся сдѣлать это, и свадьба не состоялась. Казалось бы, странно священнику слушать какихъ-нибудь бредней юродивой полудурьи-крестьянки, какъ тогда многіе и говорили; но бредни эти не замедлили оправдаться. Подруга дочери о. Василия, сдѣлавшаяся вмѣсто ея женою молодого священника, неоднократно говаривала ей: «какая ты счастливая, что Господь отнесъ тебя отъ этого брака».

Все семейство о. Василия имѣло большую вѣру и расположеніе къ Родимой; если сама она долго не приходила къ нимъ, они посылали за ней лошадь и просили посѣтить.

Родимая, однако, какъ уже и сказано, не переставала юродствовать, пребывая вѣрною своему подвигу до конца своей жизни. Этимъ отчасти она прикрывала свою прозорливость и, дѣлая кому-либо предостереженіе или обличенія, дѣлала это иносказательно и незамѣтно, даже такъ, что ее, бывало, и побьютъ, и выгонять.

Такъ однажды, пребывая у этого о. Васи-
лія въ селѣ Любцѣ и пользуясь тѣмъ, что
всѣ, будучи заняты своими дѣлами, не об-
ращали на нее вниманія, она стала вдругъ
все выносить изъ комнатъ и складывать
подъ березу въ ихъ огородѣ. Въ это время
о. Василій, отлучавшійся куда-то, входилъ
на крыльцо и, увидѣвъ Родимую, вынося-
щую вещи изъ дома, сказалъ ей: «что ты
это дѣлаешь? куда и зачѣмъ уносишь изъ
дома?»—«А туда, куда и самъ понесешь»,
отвѣчала она. Онъ, разумѣется, остановилъ
ее работу и младшей дочери своей, кото-
рая сидѣла, углубившись въ шитье себѣ
платья, и не замѣчала, какъ Родимая стала
изъ другихъ комнатъ выносить вещи и
мебель, велѣлъ обратно принести ихъ. Пока
дочь исполняла это приказаніе, оставивъ
свое шитье на мѣстѣ, гдѣ сидѣла, Родимая
вдругъ схватила его и, не говоря ни слова,
бросила всевътопившуюся печь. Оскорблен-
ные такимъ поступкомъ, и дочь и отецъ
стали бранить Родимую и грозили вы-
гнать ее. «Сама уйду, сама уйду», закри-
чала она и, выбѣжавъ за дверь, притопы-
вая и махая руками, пошла вдоль села,

выкрикивая громко: «попъ горить, Любець горить, все горить! у, страсти какія» и проч. Такъ оставила она село въ страхѣ и ужасѣ; всѣ вѣрили словамъ Родимой и ожидали чего-то недобраго. Это было въ августѣ мѣсяцѣ, около Успеньева дня. Время проходило, наступилъ и сентябрь, за нимъ и октябрь; страшное предсказаніе не сбывалось и мало-по-малу стало изглаживаться изъ памяти. 22-го октября въ селѣ Любцѣ храмовой праздникъ Казанской Божіей Матери, по случаю котораго бываетъ ярмарка. Все шло обычнымъ порядкомъ, всѣ были веселы и гуляли по улицѣ, какъ вдругъ пламя обхватило со всѣхъ сторонъ деревянную церковь и смежную съ ней колокольню, подъ которою загорѣлась лѣстница. Противъ самой церкви стоялъ домъ священника, отдѣляясь отъ нея лишь проѣздной дорогою. Пламя такъ быстро перешло на домъ о. Василия, что не только «платья», но и вовсе ничего не успѣли вынести, кромѣ желѣзнаго стола, въ которомъ вѣроятно хранились кой-какія сбереженія о. Василия, стоявшаго теперь съ поникшею главою, въ

слезахъ, подъ той самой березой въ огородѣ, куда все снашивала Родимая,—и караулилъ тутъ подъ березой свой единственно спасенный столикъ. Все сгорѣло у него: и домъ и вся хозяйственная постройка. Та же участь постигла и всю половину села, расположенную по ту сторону; уцѣлѣлъ только скотъ, находившійся въ полѣ. Тогда всѣ съ трепетомъ вспоминали слова Родимой, особенно любимецъ ея о. Василій, который послѣ этого случая возымѣлъ къ ней еще бѣльшую вѣру.

Нерѣдко ирѣзжая къ ней въ Леушинскій монастырь, онъ однажды сказалъ ей: «Когда ты, Родимая, почувствуешь приближеніе своей смерти, пришли за мною, я ирѣду напутствовать тебя». — «Нѣтъ», отвѣтила она, «не ты, олень (такъ называла она его), напутствуешь меня, а Покровскій». Такъ называла она священника Покровской Логиновской церкви, о. Евгенія Брянцева. Всѣмъ показались слова эти странными, потому что ничего общаго у нея съ этимъ селомъ не было; развѣ только можно было предположить, что послѣдніе дни своей жизни она намѣревается про-

вести въ селѣ Логиновѣ; но случилось совсѣмъ иначе. О. Евгеній Брянцевъ, выслуживъ себѣ пенсію, сдалъ мѣсто свое дочери, вышедшей въ замужество за А. Свѣтловскаго, а самъ вышелъ въ заштатъ и переселился, по приглашенію Леушинской игуменіи Таисіи, въ сей монастырь, въ помощь бывшему тогда лишь одному штатному священнику. Такимъ образомъ и эти слова Родимой сбылись въ свое время: ее напутствовалъ священникъ «Покровскій».

Вторую начальницу Леушинской общины, монахиню Леонтію, Родимая всегда называла «галкою». На вопросъ ея, зачѣмъ она ее такъ называетъ, Родимая отвѣчала: «что же? галочка—хорошая пташечка! вишь какая: взовьется и полетитъ; вотъ, ужо, жаворонки прилетятъ, журавли прилетятъ, а галочка - голубушка въ свое гнѣздышко полетитъ». И эти слова Родимой не замедлили исполниться. Монахиня Леонтія управляла Леушинской общиной лишь 3½ года; затѣмъ, въ февралѣ 1881-го года, назначена была уже третья начальница изъ Новгорода, монахиня Таисія, прибывшая

въ Леушино въ мартѣ мѣсяцѣ, когда, дѣйствительно, и журавли и жаворонки прилетаютъ; а монахиня Леонтія, сдавъ ей монастырь, уѣхала въ свое гнѣздышко—въ свой Горицкій монастырь.

Объ этой третьей начальницѣ, монахинѣ Таисіи, Родимая не только предсказывала много, конечно—иносказательно, но и болѣе, чѣмъ за годъ, назвала ее по имени. Она, «творя обычное юродство», расхаживала по монастырю со своими палками, покрикивая и припѣвая: «Таисья больше всѣхъ,—кланяйтесь ей! ха - ха - ха, Таисья больше всѣхъ». Въ то время въ общинѣ была маленькая, лѣтъ 12-ти, дѣвочка Таисія (нынѣ уже монахиня); всѣ думали, что эти слова Родимой относятся къ ней, и, конечно, смѣялись. Когда же, дѣйствительно, пріѣхала монахиня Таисія, первая игуменія Леушинской обители, при которой община была переименована въ монастырь и весьма благоустроилась,—тогда слова Родимой стали всѣмъ понятны.

Вопросъ о перемѣнѣ начальницы, для каждаго монастыря, есть самый живой и

самый важный. Сестры Леушинской общины, истомленные частыми переменами у нихъ начальницъ, а съ ними и правилъ и порядковъ, вводимыхъ каждою по своимъ взглядамъ, нерѣдко осаждали Родимую вопросами по сему поводу. И вотъ, однажды она сказала имъ: «А вотъ, коли прїѣдетъ къ намъ начальница съ колоколомъ, то будетъ намъ мама, а коли безъ колокола будетъ,—обратно отошлемъ; намъ, моль, съ колоколомъ надо, къ Благовѣщенію звонить надо». Разумѣется, такому ноясненію всѣ посмѣялись, ибо кто же могъ понять его; тѣмъ не менѣе, оно сбылось буквально. Вновь прибывшая 22-го марта начальница оказалась и по имени Таисія, согласно предреченію Родимой, и прибыла она съ колоколомъ, но жертвованнымъ ей на пути мологской купчихой Гамулиной, и зазвонили въ этотъ колоколъ въ первый разъ на праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Вотъ до какой степени простиралась проницательность Родимой!

Неожиданно разразился громовый ударъ надъ Россією въ 1881-мъ году

1-го марта, около 3-хъ часовъ по полудни. Еще съ рапняго утра въ этотъ день Родимая была чрезъ мѣру безпокойна, все кричала, ворчала, бранилась, била всѣхъ, кто попадался на глаза. День этотъ былъ воскресный; народу въ церкви было множество. Пришла и Родимая угрюмая, сердитая, и усѣлась на своемъ излюбленномъ мѣстечкѣ, на приступочкѣ предъ мѣстою чтимою иконою Похвалы Богородицы. Вдругъ, во время уже начавшейся службы, какъ соскочить она и закричить на всю церковь: «Питеръ горить, Тятку убили, Рѣднаго нашего убили, безбожники проклятые» и проч. Повторяя эти слова нѣсколько разъ, она не унималась, но, напротивъ, приходила все въ бѣльшее неистовство, грозила кому-то кулаками, топала ногами и проч. Всѣ присутствовавшіе обратили на нее вниманіе; священникъ выслалъ изъ алтаря сказать, чтобъ ее уняли; но ничто не помогало. Наконецъ ее силою вывели изъ церкви. На улицѣ она продолжала неистовствовать, повторяя тѣже слова: «Питеръ сгорѣлъ, Тятку убили» и проч., смѣняя крики горькимъ плачемъ; слезы го-

рохомъ катились по ея изможденнымъ старческимъ щекамъ, и она не вытирала ихъ. Съ растрепанными волосами, въ лохмотьяхъ, которыя она еще больше раздирала, размахивая руками и притопывая, она имѣла страшный видъ и, дѣйствительно, походила на сумаспешную. Каково же было всеобщее удивленіе, когда на слѣдующій же день дошла и до монастыря страшная вѣсть о мученической кончинѣ Царя-Освободителя, Отца своего народа! Вотъ и «Тятюку убили, и Питеръ горить», какъ предузнала великая старица Евдокія. Такъ открываетъ Господь Свои тайны буимъ міра и юродивымъ.

Многократно Родіоновна предупреждала словами имѣющія совершиться событія. Такъ напримѣръ, съ самаго начала общины, т. е. съ 1875 - го года, тѣмъ еще болѣе до утвержденія ея со времени поселенія въ ней Воронинскихъ сестеръ съ Агаею Викторовой во главѣ, никто, кромѣ мѣстныхъ благочинныхъ, не посѣщаль общины изъ лицъ начальствующихъ, частію по отдаленности ея отъ желѣзнодорожныхъ путей, частію по раз-

нымъ другимъ причинамъ. Максимовы, купившіе ея землю, преслѣдовали свои цѣли, представляли все митрополиту въ ложномъ видѣ, послѣдствіемъ чего и была столь частая перемѣна начальницъ. Матушка Таисія, какъ образованная и разумная личность, сразу поняла, какое большое и безконечное зло заключалось бы въ продолженіи такой безвѣстности истины и настоящаго положенія дѣлъ общины. Она понимала, что лучше всего было бы, если бы самъ митрополитъ Исидоръ, принимавшій живое участіе въ устройствѣ этой общины, посвѣтилъ ее и самъ на мѣстѣ составилъ о ней ясное, очевидное понятіе. Но какъ было осуществить эту мысль? Митрополитъ Исидоръ былъ уже старъ, чтобы совершить такой путь, который страшилъ и cadaго простолюдина; да и на какія средства и куда принять высокаго гостя? Община доходила иногда до послѣдняго куска хлѣба и съ большими лишеніями существовала; помѣщеніе было въ ней вполнѣ убогое; при всемъ этомъ клеветы и навѣты не прекращались по адресу ея труженицъ-началь-

ницъ со стороны недоброжелателей. Положеніе казалось безвыходнымъ. Съ такими мрачными мыслями начальница Таисія стояла однажды въ своей кельѣ у стола и гладила утюгомъ какую-то церковную вещь, перешивая ее, такъ какъ въ то время и по ризницѣ никто не умѣлъ ничего шить, по новости и малоразвитости общежительницъ. Вдругъ она услышала со стороны параднаго входа шаги Родимой, съ обычнымъ притопываніемъ; не замедлилъ послышаться и голосъ ея, которымъ она какъ бы отбивала тактъ шагамъ своимъ, приговаривая: «самъ ѣдетъ, самъ ѣдетъ!» Съ этими словами она подошла къ матушкѣ Таисіи, которая и спросила ее: «кто ѣдетъ, Родимая?» — «Говорятъ тебѣ, самъ ѣдетъ, самъ да съ усамъ, съ бородой, да съ усатыми, да съ борода-тыми; эхъ - ма, встрѣчай гостей, — лихіе наѣхали». Затѣмъ, отодвинувъ изъ-подъ утюга гладимую вещь, продолжала: «не то ты гладишь, мама! вотъ что надо» (и подаетъ ей длинное полотенце); «вотъ, гладь хорошенько, чтобы самому-то кругъ шеи обернуть». Матушка поняла, что подъ полотенцемъ она разумѣла омофоръ, изъ чего

и заключила, что мысль ея о прїѣздѣ архіерея, если не митрополита, не невозможна. Между тѣмъ Родимая не унималась; какъ бы желая пояснить, что прїѣдетъ не митрополитъ, а архіерей, она продолжала: «что же ты, мама? встрѣчай гостей, вѣдь ѣдутъ . . . изъ-за моря синяго, изъ-за рѣченъки бурной, изъ Новграда Великаго».

Это произошло Великимъ постомъ; а 24-го іюня того же 1884-го года митрополитъ Исидоръ прислалъ своего Новгородскаго викарія, епископа Анастасія, въ Леушинскую общину для ревизіи. Это посѣщеніе положило конецъ всѣмъ страданіямъ общины; преосвященный Анастасій, внимательно и добросовѣстно исполнивъ свою миссію, донесъ владыкѣ Исидору обо всемъ,—и въ тотъ же годъ, сентября 3-го дня, община праздновала свое возведеніе изъ общины въ монастырь, а 1-го октября начальница ея, матушка Таисія, возведена въ санъ игуменіи.

Однажды посѣтилъ Леушинскій монастырь о. протоіерей Череповецкаго собора Козьма Соловьевъ, имѣвшій весьма большое довѣріе къ Родимой и глубоко

почитавшій ее. Отслуживъ литургію, онъ зашелъ къ игумені Таисіи выпить чаю. Вдругъ является Родимая, неся въ рукѣ замокъ запертый; подошедъ къ о. протоіерею и подавая ему замокъ, говоритъ она: «а ну-ка, отвори!»—«Какъ же я могу отворить безъ ключа», отвѣчалъ онъ: «дай ключъ—и я отворю». Она громко захохотала, приговаривая: «вотъ такъ разъ! вотъ такъ протопопъ! не отворишь замка?! вотъ и попляши теперь вокругъ его, и полюбуйся; и поплачешь, и поскачешь; ладно, ладно».

Смутился о. протоіерей и говоритъ: «ужъ не напрасно это сдурила Родимая; что-нибудь да будетъ». Никакіе дѣловыя не могли разубѣдить его, такъ и уѣхалъ смущенный. И что же?

Во время его отсутствія, по недосмотру его помощника, отпѣли въ соборѣ, безъ надлежащей предосторожности, мальчика, умершаго отъ дифтерита; городская администрація распорядилась «запереть соборъ на замокъ», ключъ отъ коего спряталъ исправникъ,—и долго пришлось о. протоіерею помаяться, пока отворили соборъ.

Верстахъ въ 15-ти отъ Леушина есть деревня Букшино; тамъ было, и посейчасъ живетъ, семейство зажиточнаго крестьянина Комина. Все семейство это хорошо знало Родимую и имѣло къ ней большое довѣріе и расположеніе. Однажды, Великимъ постомъ, хозяинъ его Семень Семеновичъ со своей женой приѣхали помолиться въ Леушинскій монастырь. Стоять они въ воскресеньѣ за литургіей; вдругъ, уже въ концѣ ея, подбѣгаетъ къ нимъ Родимая и, схвативъ лежавшую подлѣ Семена на окнѣ, положенную имъ шапку его, подаетъ ему, говоря: «убирайся, уходи, уходи! вся деревня горитъ, ребятишки воютъ! ужъ я унимала, унимала, да пожаръ заливала, да моченьки не стало». Сказавъ это, она снова выбѣжала изъ церкви; Комины послѣдовали за ней, можетъ—намѣреваясь о чемъ-либо спросить; но она, не обращая ни на что вниманія, гнала ихъ вонъ изъ ограды, приговаривая: «уходите, уходите, уѣзжайте, убирайтесь», и до тѣхъ поръ продолжала ихъ гнать, пока они, наконецъ, наскоро запрягли свою лошадь и помчались домой.

Еще за версту до своей деревни, они увидѣли ее всю объятую пламенемъ съ того конца, къ которому они подѣзжали. Домъ же ихъ стоялъ на противоположномъ краю послѣднимъ; пламя лишь на два или на три дома только не дошло до ихъ дома, онустошивъ за собою всю деревню по лѣвой сторонѣ. Объятые ужасомъ, они едва могли добраться до своего дома, около котораго встрѣтили ихъ остававшіяся дома ихъ дѣти, съ воплемъ и слезами бросившіяся къ нимъ. Опоздай они хотя бы на полчаса, или и того меньше,—можетъ быть, и ихъ домъ сдѣлался бы жертвою всепожирающаго пламени; но теперь усиленнымъ трудомъ они спасли его, а главное—спасли свое имущество.

Такова была Родимая, эта мнимая «дура», «безумная»!

Игуменія Таисія любила и уважала ее, какъ великую подвижницу, часто говорила съ ней по душѣ, но, какъ сама признавалась, не всегда была рада ея посѣщенію, по причинѣ крайней ея неопрятности, слѣды чего всегда оставались послѣ ея посѣщеній. Когда имъ случалось оста-

ваться наединѣ, Родимая не юродствовала, но разговаривала съ нею умно и усладительно. Когда игуменіи бывало особенно трудно и грустно, она иногда посылала за Родимой, а иногда и сама Родимая приходила къ ней. Придетъ, бывало, да и скажетъ: «ѣсть хочу, пить хочу! угощай меня, мама!»—«Угостить-то тебя я рада, Родимушка», отвѣтитъ игуменія, «только ты не грязни, да не плюй, а то ужъ очень противно». — «Не буду, мама, не буду», скажетъ она, а сама все свое дѣлаетъ. Однажды какъ-то игуменья спросила ее: «Родимая, говорятъ, что ты была замужемъ два раза, и что тебя очень обижали мужья». Она отвѣтила: «ой, мама, что ты вспомнила? и не приведи Богъ вспоминать; звѣри были они, мама, а не люди; одинъ былъ Волкинъ, а другой Собакинъ».—«А я думаю, Родимая, — ты все простила имъ и поминаешь ихъ на молитвѣ?»—«Простила, мама, вѣстимо, простила и поминаю ихъ, какъ не поминать». Это былъ единственный случай, что она сказала нѣсколько словъ о своемъ первобытномъ житіи; обыкновенно она никогда ни съ кѣмъ не

говорила объ этомъ, а если бы кто и коснулся этихъ вопросовъ, она раскричится, разбранится и убѣжитъ.

Священникомъ въ то время въ Леушинской обители былъ о. Владиміръ С. Онъ относился къ Родимой какъ-то недружелюбно. Онъ нерѣдко приходилъ къ матушкѣ, при чемъ иногда заставлялъ тамъ и Родимую. Вдругъ, однажды, она какъ-то подкралась къ его стулу и такъ ударила его рукой, что тотъ отъ неожиданности привскочилъ, при чемъ его стулъ упалъ, и, увидѣвъ, въ чемъ дѣло, гнѣвно закричалъ на нее: «какъ ты смѣешь, старуха, драться!»—Она, передразнивъ его, отвѣтила: «а довольно тебѣ, рыжему, лисой-то бляеть! убирайся по-добру по-здорову, не то не такъ тресну». Въ скоромъ времени о. Владиміръ, самъ не зная чего убоявшись, какъ онъ самъ высказалъ, подалъ прошеніе о переводѣ его въ приходъ, а на его мѣсто назначенъ былъ другой.

Въ этомъ же году 23-го апрѣля, въ день св. Георгія Побѣдоносца, по заведенному обычаю, благословляли и кропили монастырскій скоть. Для этого онъ выве-

день былъ на площадь, среди монастыря, куда изъ единственно тогда бывшей домово́й церкви вышелъ крестный ходъ. Посрединѣ, по обычаю, былъ поставленъ столикъ для водоосвященія, которое и совершалъ о. Владиміръ. На столикѣ какъ-то очутилась маленькая просѣорка, оставшаяся незамѣченною. Въ числѣ приведенныхъ и держимыхъ подъ уздцы лошадей находилась и лошадь о. Владиміра, по имени «Копчикъ». Молебень шелъ своимъ чередомъ; вдругъ Родимая тихонько подошла къ столику, молча взяла съ него ту просѣорку и направилась къ Копчику, которому и дала въ ротъ просѣорку, сказавъ: «на, поминай Леушино, не видать тебѣ его болѣе, какъ своихъ ушей». Это все произошло такъ неожиданно, что никто и опомниться не успѣлъ, не только отнять просѣорку, которая, впрочемъ, оказалась не вынутая и поставлена была самой Родимою. Копчикъ же, вмѣстѣ съ хозяиномъ, оставилъ навсегда Леушино.

За послѣдніе годы своей жизни, Родимая стала замѣтно слабѣть, а вмѣстѣ съ симъ стала и меньше юродствовать, т. е. меньше

бродить, ворчать и проч.; но съ палками и черепками не разставалась до смерти. Еще задолго до начала постройки соборнаго храма, на пустой площадкѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь—алтарь его главнаго средняго придѣла во имя Похвалы Богородицы, она садилась на траву, отдавая себя въ жертву насѣкомымъ, и что-то городила изъ множества кирпичиковъ, камушковъ и всякаго мусора, который все таскала на это мѣсто. Нерѣдко можно было встрѣтить ее и ночью—ходящею по монастырю съ палкою въ рукахъ, но, какъ только замѣтитъ, что ее видятъ, тотчасъ скроется.

Въ концѣ 1886 года стало замѣтно, что старица Евдокія Родіоновна приближается къ закату дней своихъ. Въ Рождественскомъ посту она, еще продолжая свой обычный родъ жизни, говѣла по монастырскому обычаю со всѣми сестрами и приобщалась Св. Таинъ въ церкви. Не болѣе, какъ за недѣлю до смерти, она перестала бродить по монастырю и пребывала безысходно въ своей кельѣ, гдѣ большею частію лежала, не будучи въ силахъ даже сидѣть. Наканунъ Рождества

Христова вечеромъ, въ 7-мъ часу, когда сестры были въ безмолвіи въ своихъ кельяхъ, готовясь къ ночному бодрствованію,— такъ какъ утренняя на Рождество Христово совершается ночью,—Родионовна попросила къ себѣ священника для напутствованія ея Св. Тайнами. Когда ей на это совѣтовали отложить до завтра, такъ какъ завтра литургія будетъ весьма рано,—она отвѣчала: «не дожить до завтра!» Бывшій тогда однимъ изъ монастырскихъ священниковъ о. Евгенийъ Брянцевъ (котораго она называла по его селу Покровскимъ) совершилъ ея напутствованіе, послѣ коего она и отошла ко Господу мирно и безболѣзненно, какъ бы уснула сномъ праведницы.

Такова была кончина мнимой «дуры», юродивой о Христѣ Евдокіи. *Будя міра избра Богъ* (1 Кор. 1, 27), и *блаженни, ихже избралъ и пріялъ еси, Господи* (Псал. 64, 5). Молитвами ихъ, Господи, буди милостивъ и къ намъ грѣшнымъ.

